

Тот вечер пролетел как прекрасный сон, соткавшись из багряных облаков и горной дымки.

И рассеялся утренним туманом с первыми лучами солнца.

Вспоминая случившееся, Сунь Цинфэн всякий раз ловил себя на глухом раздражении. Он никак не мог перешагнуть через этот внутренний барьер и без конца твердил себе:

«Этот Маленький дьяволёнок точно меня приворожил, иначе с чего бы мне так терять голову? Впредь надо держать ухо востро и больше не попадаться на его удочку»

Однако дело было сделано, назад не воротить. Сколько бы он ни раздумывал, достойного выхода не находил, а потому решил попросту пуститься во все тяжкие — прикинулся, будто напрочь лишился памяти, начисто вычеркнув из головы то, что произошло у водопада.

Цзинь Линьэр, напротив, рассуждал иначе:

«Судя по тону старшего брата, случившееся было делом вполне обыденным — мало ли как братья могут учить и наставлять друг друга, ничего особенного. Но стоит попросить о помощи, как он не только заартачился, но и после состроил мину, будто ничего не помнит. Разве это не доказывает, что в нем говорит растерянность от избытка чувств? Он определенно равнодушен»

Линьэр чувствовал, что теперь их связь крепка как никогда. Стоило ему вспомнить тот день, как он невольно начинал глупо улыбаться. Он понимал: впереди еще целая жизнь, и пока можно подыграть Сунь Цинфэну, прикинувшись глухим и слепым.

Но разве в подлунном мире всё складывается так, как желает человек?

Людские привязанности и любовное томление зарождаются незаметно, подобно тому, как капля за каплей вода точит камень. Нельзя сказать, какая именно капля пробил твердыню, — это плод долгих дней и ночей.

Когда сердце делает первый робкий удар навстречу другому, это значит, что его самая неприступная броня уже дала трещину. словно незаметный глазу термитник: снаружи всё кажется прежним и незыблемым, но внутри давно обратилось в труху. И самое жестокое, разъедающее душу испытание — не долгая разлука, а невозможность открыться тому, кто стоит прямо перед тобой.

Любовь — это тоже стихийное бедствие.

И есть лишь два пути спасения. Либо отсечь руку, как отважный воин, вырвать это чувство с корнем и прожить остаток дней без сожалений, пусть и с пустой душой. Либо обменять свое сердце на чужое, довериться друг другу без остатка — и тогда любая беда обернется

благословением.

Очевидно, Сунь Цинфэн жаждал первого.

Но Цзинь Линьэр твердо вознамерился добиться второго. Особенно когда в памяти всплывал тот вечер, когда Сунь Цинфэн отвесил ему пощечину.

Теперь, когда он наконец понял безмолвное признание старшего брата, судорожно сжимавшего его воротник... Тот жест, возможно, неосознанный для самого Цинфэна, кричал об одном:

«Синеют твои одежды, вечно томится мое сердце»

С каждым осенним дождем становилось всё холоднее, и незаметно наступила глубокая осень.

Цзинь Линьэру наконец позволили вернуться в Павильон Вопросания Дао.

По природе своей он был мягким и незлобивым, любые обиды забывал в мгновение ока. Стоило получить разрешение спуститься с горы, как он тут же отыскал тех самых соучеников, с которыми повздорил прежде, и искренне принес им извинения.

Все они ходили под началом главы школы, и хотя среди них были как прямые, так и внутренние ученики, в конце концов они оставались братьями по оружию. Враждовать без конца не имело смысла.

К тому же большинство из тех, кто приходил на Хуашань обучиться боевым искусствам, происходили из зажиточных семей — оттого они так легко и высмеяли бедных с виду братьев Сюэ. Но будучи людьми начитанными и разумными, они за время затворничества успели осознать свою неправоту. Увидев, что Линьэр не таит зла, не заносится и сам делает первый шаг к примирению, они прониклись к нему искренней симпатией.

Среди них лишь один оставался костью в горле.

Звали его Чжу Хуань. Его отец и старший брат занимали чиновничьи посты при дворе. Пользуясь влиянием, он от имени властей договорился с Альянсом боевых искусств и пристроил сына напрямую к Сюэ Чжэнъяну. Расчет был прост: пускай наберется мастерства, чтобы в будущем войти в личную охрану императора — Гвардию в парчовых халатах.

Изначально он метил на место прямого ученика главы школы.

Однако у Сюэ Чжэньяна был строптивый нрав. Он наотрез отказался брать парня, согласившись лишь записать его во внутренние ученики, а заботу о его обучении перепоручил Чжоу Синъюню.

Чжу Хуань пришел на Хуашань в то же время, что и Цзинь Линьэр. В Павильоне Вопросания Дао во время чтения канонов их места находились совсем рядом. Именно он в прошлый раз заметил, как Линьэр сотворил цветок камелии буквально из воздуха, и именно у него Линьэр простодушно спросил, не хочет ли тот забрать цветок себе.

Чжу Хуань и без того не мог смириться с тем, что какому-то замухрышке досталось место прямого ученика, а подметив за ним подобные странности, укрепился в мысли: с этим парнем что-то не так.

В общении с Сунь Цинфэном Линьэр часто бывал безрассудным и не стеснялся в выражениях, но с посторонними вел себя крайне осмотрительно. Тяжелая ноша Золотой печати обязывала его умирять нрав, быть сдержанным и следовать простому правилу: «Сходитесь с теми, с кем ладите, и держитесь поодаль от тех, с кем нет».

Он трижды пытался объясниться с Чжу Хуанем.

Но когда понял, что тот упорствует в своей неприязни, перестал навязываться и просто держался на расстоянии.

Однако Чжу Хуань словно задался целью извести его.

Мальчишка был одарен острым умом и превосходным костяком. В изучении канонов, постижении Дао и тренировочных поединках он заметно превосходил сверстников. Сделав Линьэра мишенью для своей злости, он не упускал ни единой возможности уколоть его.

Стоило Линьэру замяться перед вопросом Чжоу Синъюня, как Чжу Хуань тут же выкрикивал ответ с места, сопровождая это колкими насмешками на глазах у всех соучеников.

Линьэр не блистал умом, но стремился тянуться за лучшими. Вместо того чтобы затаить обиду, он искренне восхищался чужими познаниями и частенько обращался к Чжу Хуаню за советом.

От этого Чжу Хуань приходил в еще большее бешенство, чувствуя себя обезоруженным.

Во время занятия боевыми искусствами Чжу Хуань то и дело вызывал Линьэра на поединки. Орудуя деревянным мечом, он заставлял того позорно отступать и порой «случайно» наносил болезненные удары.

Линьэр понимал, что уступает в мастерстве, не жаловался и лишь усерднее тренировался.

Чжу Хуань снова чувствовал себя так, словно бьет кулаком по мягкому хлопку, и злился еще сильнее.

За обедом Чжу Хуань нарочно таскал из тарелки Линьэра его любимые куски.

Тут уж Линьэру становилось по-настоящему обидно, но бежать с жалобами к смотрителю или Чжоу Синъюню не позволяла гордость.

Впрочем, благодаря этим капризам Чжу Хуаня Линьэр совершенно перестал привередничать в еде.

Сунь Цинфэн находил эти детские дразги даже полезными. Ему нравилось, что Линьэр набивает шишки — пускай учится давать отпор, иначе с его мягкотелостью в будущем его сожрут живьем.

В глубине души Цинфэн даже питал безумную надежду, что Линьэр наконец проявит характер, заставит себя уважать как истинный глава дьявольского культа и возродит Культ Золотого света. Тогда и ему самому не придется киснуть среди даосов, укрощая плоть и дух.

Однако Чжоу Синъюню, на которого возложили присмотр за учениками, эти игры не нравились. Будучи старшим братом, он не имел права выделять кого-то одного. Защитить Линьэра было делом важным, но еще важнее было не позволить одаренному Чжу Хуаню погрязнуть в зависти и сойти с верного пути.

Он несколько раз беседовал с мальчишкой с глазу на глаз. Тот выказывал недюжинный ум, сыпал цитатами и соглашался со всем, но на деле пропускал наставления мимо ушей. В конце концов Чжоу Синъюню пришлось прибегнуть к строгости: когда Чжу Хуань в очередной раз повалил Линьэра на лопатки, старший брат прилюдно отчитал его.

Но это лишь подлило масла в огонь — обида Чжу Хуаня переросла в глухую ярость.

Осенние дни становились всё холоднее.

По утрам и вечерам горные ущелья затягивало плотным туманом, ложился иней.

В тот день Чжу Хуань вновь настоял на учебном бою.

Превосходя соперника в силе и скорости, он увлек Линьэра за собой, постепенно оттесняя его к заброшенным постройкам за Павильоном Вопросания Дао, где никогда не было лишних глаз.

Линьэр, конечно, понимал, к чему всё идет.

Он знал о неприязни соученика, но по-прежнему считал его собратом по школе. Решив, что тот не посмеет зайти слишком далеко, он послушно следовал за ним, надеясь поговорить без свидетелей.

Убедившись, что кругом ни души, Чжу Хуань перестал сдерживаться. Его удары стали стремительными и жесткими — это был уже не учебный поединок, а настоящая схватка, где метили в самые уязвимые места.

Сделав резкий выпад, он обманным движением опустил деревянный клинок на запястье Линьэра, а затем с силой пнул его под колено.

Меч Линьэра отлетел в сторону, сам он с глухим стоном повалился на землю.

Чжу Хуань мгновенно навалился сверху, придавив его бедра своим весом так, что невозможно было пошевелиться. Одной рукой он мертвой хваткой сжал запястья соперника, а вторую занес для удара.

Линьэр уступал ему в силе и не смел пускать в ход внутреннюю энергию. Понимая, что перед ним лишь обозленный мальчишка, который не станет лишать его жизни, он попытался воззвать к разуму:

— Младший брат Чжу, за что ты так злишься на меня? Если я где-то оступился или обидел тебя, скажи — я извинюсь.

Глядя на его кроткое, беззащитное лицо, Чжу Хуань вместо удара кулаком больно вцепился пальцами в его щеку, оттягивая кожу:

— Да какой ты мне брат! Ты чудовище, оборотень! Только и умеешь, что дурить людям головы. Старшие братья из-за тебя совсем рассудок потеряли. Ну же, покажи свое истинное лицо, я сорву с тебя эту маску!

Линьэр немного успокоился и спросил:

— С чего ты взял, что я чудовище?

Чжу Хуань злобно процедил:

— Шила в мешке не утаишь. Я сам видел, как твой старший брат втайне режет кур и собирает кровь. И от тебя пахнет железом. Ты пьешь эту кровь! Да и твой братец хорош — обычный слуга не умеет так драться и не станет использовать цветок как метательное оружие. В книгах пишут, что лисы-оборотни принимают человеческий облик и пьют кровь, чтобы их фальшивая плоть не сгнила. А еще они намного сильнее обычных людей. Посмотри на свои лисьи глаза — коварные, хитрые. Ты точно лис-оборотень!

— Ты просто не знаешь, как живут бедняки, — вздохнул Линьэр. — Кровь идет в пищу, брат готовит из нее, только и всего. Если хочешь, приходи в Обитель Скопленных облаков, мы и тебя угостим.

Чжу Хуань до красноты расцарапал щеку Линьэра, но кожа, разумеется, не сошла. Это взбесило его еще больше:

— Если ты не колдун, то как с твоей ничтожной силой тебе досталось место прямого ученика главы школы?

У Линьэра от боли выступили слезы:

— Да давай поменяемся! Иди ты в прямые ученики, а я буду звать тебя старшим братом. Если я тебе так противен, я буду обходить тебя стороной, но не нужно меня оговаривать.

— Мой отец и брат — справедливые судьи, они насквозь видят любого преступника. Меня не обманешь, — Чжу Хуань тяжело дышал, глядя лихорадочно. — Ты... ты проклятая тварь!

Он выхватил висевшую на поясе короткую саблю, сбросил ножны и прижал холодное лезвие к щеке Линьэра:

— Говорят, у оборотней много жизней. Если не хочешь сдохнуть прямо здесь, покажи свое истинное обличье, иначе я пущу тебе кровь!

— Я не оборотень, убирай оружие, — прошептал Линьэр. Почувствовав, как сталь режет кожу, он ощутил настоящую смертельную опасность. Он тяжело дышал.

Чжу Хуань надавил сильнее, безумно шепча:

— Если ты человек, почему тогда ты снишься мне каждую... а-а-а!

Линьэр помнил наставления Сунь Цинфэна — никогда не рисковать жизнью. Поняв, что отступать некуда, он поддался гневу. Под маской призрачного рождения на его лбу вспыхнули и заструились золотым светом две полосы печати. Внутренняя энергия вырвалась наружу ревущей волной темного золота, с силой отбросив Чжу Хуаня прочь.

Чжу Хуань отлетел на несколько шагов. Повалившись на жухлую траву, он испуганно уставился на Линьэра, а затем вскочил и бросился наутек, истошно крича на весь лес:

— Старший брат, спасите! Он и вправду оборотень!

Линьэр прижал ладонь к разбитой губе и сплюнул кровь.

Он впервые в жизни применил внутреннюю силу против человека. Тело мгновенно отозвалось сокрушительной слабостью. Понимая, что догнать Чжу Хуаня не удастся, а позвать Сунь Цинфэна он не может, Линьэр остался сидеть на коленях, лихорадочно соображая, как спасти положение.

Когда Чжу Хуань привел к заброшенным постройкам соучеников во главе с Чжоу Синъюнем, Линьэра и след простыл.

Подобрав с земли окровавленную саблю, Чжоу Синъюнь повернулся к Чжу Хуаню:

— Это твое оружие?

Тот побледнел, но тут же закричал:

— Я его пальцем не тронул, это он на меня напал! Я повалил его, хотел только припугнуть саблей, а из него как хлынет демоническая сила! Меня отбросило!

— Если так, где твои раны? — холодно спросил Чжоу Синъюнь.

Чжу Хуань замялся. Осмотрев себя, он с удивлением обнаружил, что на нем нет ни царапины.

— Но я не вру! — упрямо выкрикнул он. — Зачем бы он тогда стал прятаться? Старший брат, вы должны...

В этот момент из кустов выбежал Сунь Цинфэн.

Грубо оттолкнув Чжу Хуаня, он вырвал саблю из рук Чжоу Синъюня, поднес лезвие к лицу и принялся. Он мгновенно оледенел взглядом, лицо потемнело от ярости.

Он медленно повернулся к Чжу Хуаню:

— Это его кровь. Что ты с ним сделал?

Почуввав исходящую от него удушающую жажду убийства, Чжу Хуань похолодел. Он попятился, прячась за спину Чжоу Синъюня, и истошно завопил:

— Да вы оба монстры! Я его не ранил! А если бы и ранил, ты что, убить меня за это собрался?!

Сунь Цинфэн сделал шаг вперед. Чжу Хуань от страха не удержался на ногах и сел на землю.

Чжоу Синъюнь перехватил руку Сунь Цинфэна:

— Сначала нужно найти мальчика.

Чжу Хуань высунулся из-за чужого плеча и злобно оскалился.

Сунь Цинфэн никогда не проливал невинную кровь и презирал насилие над детьми. Сдержав клопочущую внутри ярость, он напомнил себе, что жизнь Линьэра сейчас важнее всего. Кивнув Чжоу Синъюню, он принялся изучать землю. Заметив едва различимые следы на примятой листве, он двинулся по ним и вскоре вышел к заброшенному колодцу.

Колодец этот давно высох, и к нему никто не подходил. Однако сейчас устье было прикрыто подгнившей доской, поверх которой лежал тяжелый булыжник.

Сунь Цинфэн пинком отшвырнул камень. Из темноты донесся слабый, глухой голос Линьэра.

Цинфэн крутанул ворот колодезного ворота — цепи и веревки на нем не оказалось.

— Брат, спаси меня! — жалобно позвал снизу мальчик.

Сердце Цинфэна сжалось от страха. Потеряв голову, он попытался протиснуться в узкое каменное горлышко, но застрял плечами. Пришлось с проклятиями выбираться обратно и искать другой путь.

— Погоди, я спущусь, — остановил его Чжоу Синъюнь.

Ученики уже принесли прочную веревку. Обвязав один конец вокруг ворота, а другой закрепив на поясе, старший брат уперся ногами в скользкие, поросшие мхом камни и стал медленно спускаться во тьму.

Достигнув дна, он обнаружил Линьэра. Тот сидел по горло в ледяной воде, успев вернуть свой настоящий облик. Чжоу Синъюнь не стал ни о чем расспрашивать.

— Няньлан, ты цел? Не разбился?

— Спасибо, старший брат... Я в порядке. Только... очень холодно, — стуча зубами, пролепетал мальчик.

Чжоу Синъюнь тут же прыгнул в воду, сорвал с себя плотную верхнюю накидку и укутал его.

Охваченный тревогой за жизнь названного брата, Чжоу Синъюнь даже не придавал значения тому, что лицо мальчика изменилось. Он поудобнее перехватил Линьэра за спиной и полез вверх по веревке.

Сам Линьэр тоже, казалось, не беспокоился о разоблачении. Дрожа от пронизывающего ветра, он крепче прижался к надежному плечу старшего брата. Слушая, как наверху завывает ветер и шуршат падающие листья, он почувствовал странное умиротворение, и его начало клонить в сон.

В голове все путалось, силы иссякли, а холод никак не отступал — казалось, даже тело Чжоу Синъюня было ледяным.

Линьэр изо всех сил потряс головой, прогоняя дремоту, шумно втянул носом воздух и удивленно спросил:

— Старший брат, от тебя пахнет по-другому. Ты сменил благовония?

— В этом году горная слива цвела скудно, — тихо ответил Чжоу Синъюнь, переставляя ноги по каменным выступам. — Несколько дней назад родные прислали мне немного серой амбры.

На самом деле Линьэр вовсе не действовал наобум — у него всё было рассчитано.

У самого выхода из колодца он незаметно протянул руку, нащупал в сухой щели между камнями спрятанный талисман призрачного рождения и мгновенно вернул себе прежний облик.

Оказавшись на земле, мальчик окончательно лишился сил. Он безвольно прижался к груди подбежавшего Сунь Цинфэна и прошептал:

— Брат... пойдём домой.

Ярость в душе Цинфэна улеглась, уступив место щемящей нежности. Бросив на землю накидку Чжоу Синъюня, он укутал мальчика в собственный тёплый плащ и поднял на руки.

Проходя мимо старшего ученика, он даже не удостоил его взглядом:

— Ради тебя я не стану проливать здесь кровь. Но своих людей учи уму-разуму сам.

Чжу Хуань заскрежетал зубами от обиды:

— Старший брат! Как вы можете отпускать этих...

— Молчи! — резко оборвал его Чжоу Синъюнь. Его лицо исказилось от гнева, чего за ним прежде никогда не замечалось.

Сунь Цинфэн чувствовал, как слабо цепляются за его шею тонкие детские руки.

Он прибавил шагу и почти взлетел на гору к Обители Скопленных облаков. Там он первым делом зарезал курицу, наполнил свежей кровью две пиалы и заставил Линьэра осушить их до дна, зажимая ему рот, чтобы тот не вздумал выплюнуть лекарство.

Мальчик долго кашлял и пытался что-то сказать, но Цинфэн безжалостно усадил его созерцать внутренний духовный свет и восстанавливать силы.

Лишь когда совсем стемнело, а в животе у Линьэра призывно заурчало, Цинфэн позволил ему прервать медитацию.

Он сварил густой куриный суп и пожарил мясо. С грохотом водрузив миски перед Линьэром, он проворчал:

— Если не съешь всё до последнего куска, я самолично разобью твою упрямую башку и залью это внутрь.

Линьэр послушно уткнулся в миску, то и дело бросая на брата виноватые взгляды. Наевшись, он отложил сочный окорочок в сторону, а недоеденный рис протянул Цинфэну:

— Больше не лезет. Заливай, если хочешь.

— Дурак, — беззлобно выругался Цинфэн. Видя, что мальчик окончательно пришел в себя, он сменил гнев на милость и принялся жадно доедать за ним. — Позволить какому-то щенку так себя унижить... И после этого ты еще строишь из себя несчастного передо мной? Надо было тебе просто прирезать его.

— Он не хотел меня убивать, — тихо возразил Линьэр.

— Быть добрым — не значит быть глупцом, — отрезал Цинфэн.

Линьэр подробно рассказал о случившемся, умолчав лишь о том, как сильно ему досталось:

— Он просто хотел заставить меня показать истинный облик. Но я помнил твои слова и не стал рисковать — просто отбросил его волной истинной ци.

Сунь Цинфэн недоверчиво прищурился:

— Глава культа, ты хочешь сказать, что применил Божественное искусство Золотого облика и после этого позволил какому-то ничтожеству загнать себя на дно колодца?

Линьэр смущенно потер нос и кашлянул:

— Вообще-то... я сам туда прыгнул.

Глаза Цинфэна округлились от изумления:

— А ну не ври мне! Говори как было, бить не стану.

Линьэр виновато улыбнулся:

— Да правда это! Чжу Хуань ведь не знал, что у меня есть внутренняя сила. Он решил, что это колдовство, испугался и сбежал. Я понял, что сил бежать у меня нет и далеко я не уйду. Заметил старый колодец, сорвал веревку с ворота, привязал к тяжелому камню, а сам прыгнул вниз, потянув за собой доску. Камень прижал ее сверху, и всё выглядело так, будто меня замуровали. А талисман я спрятал в сухую щель, чтобы не намок.

Сунь Цинфэн не верил, что мальчишка способен на такую хитрость:

— А кровь откуда? Твой запах я ни с чем не спутаю.

Линьэр просиял:

— Правда?

— Отвечай на вопрос.

— Да сам я ее пустил, — захихикал мальчик. — Губу прикусил нарочно, совсем чуть-чуть.

Сунь Цинфэн долго молчал, а затем твердо произнес:

— С завтрашнего дня я начну учить тебя настоящему боевому искусству.

— А у меня получится? Вдруг я не справлюсь с силой?

— Прежние пять Хранителей печати из рода Чжао пользовались дурной славой, но поверь мне — все они были достойными людьми. До самой смерти они не пролили ни единой капли невинной крови.

Линьэр опустил голову:

— Брат, прости меня. Я опять струсил. Знаю, что не должен бояться, ведь предки как-то справлялись с этой ношей. Но мне всё еще страшно. Я буду стараться, только не сердись на меня.

Сунь Цинфэн отложил палочки, обхватил ладонями лицо Линьэра и прижался своим лбом к его лбу, глядя прямо в глаза:

— Страх — это благо. Только тот воин выживает, кто знает, когда нужно отступить. Если ты помнишь, что Утёс Осеннего клёна бездонен, ты будешь ступать осторожно и не сорвешься вниз. В этом и кроется суть: коли ведаешь страх, то и в поступках знаешь меру.

— Понимаю, — прошептал Линьэр. — Постичь тьму, но сберечь свет.

Сунь Цинфэн удовлетворенно кивнул:

— Вот именно. Завтра начнем.

Заметив, что Линьэр снова собирается что-то сказать, Цинфэн поспешно заткнул ему рот недоеденным окорочком:

— Учиться управлять силой всё же лучше, чем позволить ей разорвать тебя изнутри. Этот путь изначально проклят, и если мы не сойдем с ума, это уже будет чудом. О том, чтобы стать главой Альянса, и думать нечего — пока просто плывем по течению.

Цинфэн лукаво прищурился, потрепал мальчика по макушке и поднялся:

— В конце концов, даже если мой глава культа отправится на самое дно преисподней, долг верного защитника — последовать за ним. Моя жизнь всё равно принадлежит тебе.

— Я не пущу тебя в ад, — с набитым ртом кивнул Линьэр, наконец согласившись обучаться Божественному искусству Золотого облика.

В последующие дни Линьэр не покидал Обитель Скопленных облаков, сказавшись больным от ледяной воды. Во-первых, ему нужно было сосредоточиться на тренировках с Сунь Цинфэном, а во-вторых, не хотелось вновь наткнуться на обозленного Чжу Хуаня.

Вскоре к ним поднялся Чжоу Синъюнь, чтобы принести извинения от имени своего непутевого

подопечного. Он признался, что Чжу Хуань и раньше твердил о колдовстве Линьэра, но всё это казалось детскими выдумками. Из-за некоторых тайных обстоятельств Чжоу Синъюнь слишком рьяно опекал Сюэ Няньлана, упустив из виду воспитание Чжу Хуаня, что и привело к беде.

Сунь Цинфэн молча выслушал его, ограничившись лишь коротким кивком.

— Няньлан еще слаб. Может, стоит прислать к нему лекаря из аптекарского приказа? — спросил Чжоу Синъюнь.

— Я сам его вылечу, не беспокойся, — отрезал Цинфэн.

Помявшись, Чжоу Синъюнь решил выложить карты на стол:

— Я верю в твое благородство, брат Сюэ, но твоё мастерство внушает трепет. Позволь спросить прямо — ты действительно не держишь зла на Чжу Хуаня?

Когда деревенский учитель в городке Облачных ив поколачивал Линьэра за невыученные уроки, Цинфэн понимал, что это идет мальчику на пользу. Но Чжу Хуань издевался над ним из чистой зависти.

Цинфэн не убивал невинных, но и своих в обиду не давал. Увидев кровь Линьэра, он готов был перерезать половину школы Хуашань. Лишь то, что мальчик проявил смекалку и согласился тренироваться, умирило его пыл. Теперь ему хотелось лишь хорошенько проучить паршивца, чтобы тот забыл дорогу к их обители.

Сунь Цинфэн ценил Чжоу Синъюня, а потому ответил просто:

— Следи за своими людьми.

Чжоу Синъюнь не унимался:

— Скажи честно, ты ведь хотел убить его тогда?

— Хотел, — прямо ответил Цинфэн.

— Почему же говоришь об этом так открыто? Не боишься, что я сочту тебя злодеем?

Цинфэн плеснул ковш ледяной воды в раскаленный котел. Раздалось яростное шипение, поднялось облако белого пара. Он небрежно швырнул ковш обратно в бочку и усмехнулся:

— Не путайся под ногами.

Из соображений предосторожности Сунь Цинфэн больше не резал кур на заднем дворе школы. Глубокой ночью он тайно спускался в уезд Хуайинь, покупал птицу у торговцев и приносил ее в Обитель Скопленных облаков.

Небо стояло чистое, без единого облачка, а полуденное осеннее солнце грело совсем полетнему.

Проснувшись поутру и не найдя дома старшего брата, Линьэр совсем обленился. Почитав немного каноны, он отложил книгу, вынес во двор три бамбуковых табурета, составил их в один ряд и улегся греться на солнышке.

Он укутался в просторный плащ Сунь Цинфэна, словно в мягкое пуховое одеяло, и уткнулся носом в воротник. Простой, чистый запах мыла показался ему приятнее любых изысканных благовоний. Вскоре он сладко заснул, и приснился ему, конечно же, Сунь Цинфэн.

Сам же Цинфэн в это время спешил обратно, неся за спиной тяжелый узел с живым товаром. Боясь задушить птенцов, он бежал во всю прыть.

Едва ступив на вершину своей горы, он развязал мешок и вывалил на траву целый ворох крошечных цыплят и утят, пытаясь направить их к дому острием меча.

Но глупые птицы не понимали человеческих приказов. Осознавая лишь то, что их жизни пока ничего не угрожает, они игнорировали грозного воина, испуганно хлопали крылышками и разбегались во все стороны.

Сунь Цинфэн был на грани безумия.

Линьэр очнулся от звонкого криканья. Увидев бегущих к нему пушистых желтых утят, он решил, что всё еще спит, и блаженно заулыбался.

Утята были крошечными, мягкими, они умилительно покачивали головками и виляли хвостиками. В лучах полуденного солнца их пух отливал мягким золотом. Наблюдая за ними, Линьэр почувствовал, как сердце тает от нежности.

Но подняв глаза чуть выше, он от смеха скатился со своих табуретов прямо на землю. Сунь Цинфэн выглядел неопишимо нелепо: взъерошенный, с головы до ног в пуху и перьях, а на самой его макушке, словно на царском троне, восседал крошечный, толстый цыпленок.

Желтый комочек сидел с таким важным и невозмутимым видом, будто вознамерился основать на этой голове собственную школу боевых искусств.

Линьэр катался по траве, вытирая слезы от смеха:

— Брат! А я-то думаю, куда ты пропал ни свет ни заря... Ха-ха-ха!

Сунь Цинфэн помрачнел:

— Замолчи.

Линьэр указал пальцем на его макушку:

— Брат, ты ушел посреди ночи в глушь, чтобы высидеть этого цыпленка?!

Малыш на голове Цинфэна словно в подтверждение пискнул:

— Пип!

Сунь Цинфэн стиснул зубы. Схватив с земли утенка, он сгоряча сжал его слишком сильно, отчего тот истошно закричал.

Цинфэн едва не взвыл от досады, ослабил хватку и бесцеремонно водрузил кричащий комок на голову Линьэру:

— Живо за работу!

Линьэр мгновенно замер, боясь пошевелиться. Кося глазами кверху и балансируя раскинутыми руками, он медленно поднялся, осторожно ступая, словно нес на голове драгоценную нефритовую чашу.

Кое-как собрав всех беглецов в кучу, Сунь Цинфэн обернулся и едва не лишился дара речи.

Земля была сухой и усыпанной золотыми листьями.

Линьэр катался в этой листве, подражая утятам: то махал руками, как крыльями, то ковылял на полусогнутых ногах, забавно виляя задом.

Цинфэн уже открыл рот, чтобы прикрикнуть на него, как вдруг один из утят, пытаясь повторить кувырок за Линьэром, покатился по склону и с размаху врезался в булыжник, мгновенно лишившись чувств.

— Ой! — вскрикнул Линьэр. Он бережно поднял несчастного птенца на ладони и принялся дуть

на него, сокрушаясь от жалости.

Сунь Цинфэн окончательно потерял терпение:

— Глава культа! Ты, черт тебя дери, наигрался или нет?! А ну марш в лес за хворостом, надо строить загон!

Линьэр наконец пришел в себя. Сунув утенка в руки брату, он строго произнес:

— Это мой названный брат, береги его пуще глаза. Обидишь — спрошу с тебя по всей строгости.
— И с громким смехом убежал, оставив Цинфэна в недоумении, к кому именно относились эти слова.

Сунь Цинфэн с брезгливой миной посмотрел на пушистый комок на своей ладони, сомневаясь, что Культу Золотого света суждено возродиться с таким предводителем.

Он хмуро созерцал утенка несколько мгновений, а затем тихо, искренне рассмеялся.

Провозившись до вечера, они наконец соорудили прочный плетень на поляне за обителью. Загнав туда всё шумное семейство и насыпав им рисовой шелухи, братья наконец смогли перевести дух.

Сунь Цинфэн собирался пойти умыться, но Линьэр упрямо тащил его обратно на солнце.

Табуреты были слишком малы для богатырского сложения Цинфэна, поэтому он просто улегся на ковер из золотых листьев.

Теплые лучи быстро сморили его.

Линьэр, который еще час назад сам катался по грязи, теперь заворчал, что земля холодная и грязная, и попытался устроиться прямо на груди у брата. Дважды Цинфэн сбрасывал его, но когда сон окончательно овладел воином, Линьэр всё же добился своего — уютно устроился на его широкой груди.

Благодаря крепкому телосложению, Цинфэн даже не заметил лишнего веса и продолжал мирно спать.

Линьэр осторожно снял с его пояса талисман призрачного рождения, якобы помогая очистить волосы от налипшего пуха, а сам залюбовался его лицом. Заметив, что даже во сне Цинфэн

сурово хмурится, он протянул палец и мягко разгладил складку на его лбу.

От его дыхания крошечные пушинки взлетели и защекотали нос спящего воина.

Сунь Цинфэн смешно сморщился и пробормотал сквозь сон:

— Я... великий генерал... а стираю твои пеленки...

Линьэр придвинулся ближе, ловя каждое слово:

— Какой еще генерал?

— Где моё сердце?... — бредил Цинфэн. — Скорее... найди его.

— И где же оно? — прошептал мальчик, затаив дыхание.

— В тебе...

Сердце Линьэра забилося так сильно, словно готово было выпрыгнуть из груди. Эти бессвязные, тихие слова отозвались в его душе настоящим взрывом.

Набравшись смелости, он быстро подался вперед и невесомо коснулся губами губ спящего брата.

Сунь Цинфэн мгновенно открыл глаза. Схватив Линьэра за щеку, он строго спросил:

— Что ты тут вынюхиваешь?

Линьэр не растерялся. Пощекотав его нос зажатым в пальцах перышком, он невинно захлопал ресницами:

— Я не вынюхиваю. Я тебя брею.

Сунь Цинфэн сквозь сон посмотрел на его лукавую, сияющую улыбку, на которой крупными буквами было написано «я вру». С тихим рычанием он обхватил затылок мальчика ладонью и прижал его к своей груди:

— Поспать не даст, негодник! Ладно, давай задохнемся тут вместе и закончим на этом.

Слушая, как Линьэр в его объятиях притворно брыкается и весело хохочет, Цинфэн почувствовал легкую досаду. Он не понимал, откуда в этом мальчишке столько радости, и почему сам он рядом с ним чувствует себя таким счастливым.

Боясь действительно задушить его, Цинфэн вскоре разжал объятия и поднялся, отряхивая одежду:

— Найди какую-нибудь веревку.

— У нас нет веревок, — удивился Линьэр.

Сунь Цинфэн молча одарил его тяжелым взглядом.

— Ладно, ладно, поищу, — примирительно замахал руками мальчик. Он убежал в дом и после долгих поисков в сундуках действительно откопал два мотка пенькового шнура. Выйдя на тропинку, он обнаружил брата, задумчиво созерцающего бамбуковую рощу.

— Брат, мы что, пойдем копать побеги? — спросил Линьэр.

— Побеги бывают весной! — фыркнул Цинфэн, но тут же осекся, поняв, что спорить с этим глупышом — самому уподобляться ребенку.

Забрав веревки, он отмерил шагами расстояние между деревьями, натянул шнуры невысоко над землей и повесил к ним тяжелые железные бубенцы, соорудив простейшую сигнализацию.

Линьэр недоумевал:

— В школе ведь безопасно, зачем это? У Чжу Хуаня силенки маловато, даже если он придет, ты его мигом побьешь. — Поймав очередной суровый взгляд, он поспешно добавил: — То есть сначала он побьет меня, а потом ты — его.

Сунь Цинфэн хмыкнул, соглашаясь:

— Слухами земля полнится, а любопытных всегда хватает. Лучше перестраховаться, чтобы никто не увидел того, чего видеть не должен.

Линьэр смущенно кашлянул. На что это намекал брат? На то, как он его поцеловал? Впрочем, пускай бы кто-нибудь и увидел — тогда Цинфэн не смог бы притворяться, будто ничего не помнит.

Линьэр считал эти меры излишними. Вернувшись к занятиям в Павильоне Вопросания Дао, он вел себя как обычно, и никаких происшествий больше не случилось. Однако в одну из ночей колокольчик на тропе внезапно звякнул.

Ловушка была установлена довольно далеко от пещеры, а в ночном лесу гудел сильный ветер, мешая различать звуки.

Но обостренный слух Сунь Цинфэна уловил этот тихий звон. В тот момент он как раз помогал Линьэру направлять потоки внутренней ци и не мог оставить его без присмотра. К тому же ночной гость, поняв, что обнаружил себя, вряд ли решился бы на открытое нападение. Цинфэн решил не ходить на разведку.

Спустя полчаса они всё же вышли осмотреть тропу. Вербка была порвана.

Разлохмаченные края шнура указывали на то, что его натянули до предела, пока он не лопнул.

К сожалению, в темноте на ковре из жухлых листьев невозможно было разглядеть следы ног.

— Человек это был или зверь? — встревоженно спросил Линьэр.

Сунь Цинфэн поднял из травы обрывок ткани и протянул ему:

— Сам как думаешь?

Линьэр присмотрелся. Это была шелковая налобная лента с вышитым узором тайцзи и нефритовой пряжкой — такие носили все ученики Хуашань, кроме простых слуг.

Вернувшись в обитель, Линьэр поднес находку к масляной лампе. Нефрит на пряжке оказался редкого сорта — чистый, полупрозрачный, без единого изъяна. Стоила такая вещица немало.

— Многие наши соученики из богатых семей, — задумчиво протянул Линьэр. — По этой ленте хозяина не признать.

— Кто сильнее всех тебя ненавидит? — спросил Цинфэн.

— Ты думаешь на Чжу Хуаня? Но он и так считает меня оборотнем. Зачем ему шпионить тайком? Скорее уж это кто-то любопытный, прослышав про слухи, решил проверить всё сам.

— Если бы у тебя с головы слетела такая дорогая вещь, ты бы не заметил? Ты, может, и нет, но

он явно умнее.

— Нет, это не Чжу Хуань, — покачал головой Линьэр. — Но тогда получается, его кто-то подставил? Зачем соученикам ссориться между собой? Да и Чжу Хуань — обычный внутренний ученик, какая выгода его оговаривать?

— Мир устроен сложно, не всё поддается простой логике, — вздохнул Сунь Цинфэн. — Ты не дорожишь своим положением, а вот Чжу Хуань спать не может, думая, как занять твое место. И у него тоже могут быть враги, решившие столкнуть вас лбами. Это вполне вероятно.

Линьэр чувствовал, что брат недоговаривает:

— Брат, говори прямо, не томи.

Сунь Цинфэн покачал головой:

— Я долго жил затворником в Байхае и мало смыслю в людском коварстве. Если этот ночной гость просто хотел твоими руками проучить Чжу Хуаня — полбеда. Хуже, если это еще один недоброжелатель, который метит лично в тебя.

— Я буду осторожен, не переживай, — пообещал Линьэр.

На следующий день в Павильоне Вопросания Дао Линьэр не стал возвращать ленту Чжу Хуаню при всех и ни словом не обмолвился о ночном происшествии.

Когда уроки закончились и ученики разошлись на тренировочную площадку, он незаметно сунул шелковую ленту под циновку Чжу Хуаня, оставив снаружи лишь расшитый край.

Вечером Чжу Хуань вернулся в класс и, найдя свою пропажу, не выказал никакого удивления или испуга.

Это подтвердило догадку Сунь Цинфэна: мальчишка действительно потерял ленту раньше и не имел отношения к ночному визиту. Кто-то подобрал ее и намеренно оставил на месте преступления. Но сколько Линьэр ни присматривался к соученикам, никто не выдавал себя. Время шло, жизнь вернулась в мирное русло, и загадку пришлось отложить до лучших времен.

До самой зимы колокольчики на тропе больше не звенели.

В эти недели Сунь Цинфэн усердно обучал Линьэра Божественному искусству Золотого облика.

По словам Цинфэна, эту технику когда-то обнаружил бродячий даос Ху Цзю (он же Фу Сяо, младший брат лисицы Фу Цинчжи) в древних, полузабытых трактатах. Путь этот требовал невероятных жертв.

Сначала тысячи людей должны были добровольно пролить кровь, чтобы соединить воедино чистейшую эссенцию Неба, Земли и Человека.

Затем требовался безумец с нестигаемой волей, готовый отдать свое тело на заклятие. Его резали заживо, ломали кости и вынимали сердце, превращая плоть в живое горнило, где даос с помощью магии выплавлял из собранной эссенции священную Золотую печать. Этот несчастный должен был обладать нечеловеческой стойкостью, чтобы удерживать душу в истерзанном теле до завершения ритуала, иначе со смертью плоти рассеялась бы и сила.

Наконец, созданную печать даос помещал в сознание другого человека — Хранителя. Тот должен был обладать безупречным здоровьем и великой духовной силой, чтобы подчинить себе мощь, превосходящую его собственную в тысячи раз. Малейшая слабость грозила мгновенной гибелью от обратного удара силы.

Линьэр поразился:

— Но если Защитник Золотой печати и так силен, почему нельзя было поместить её прямо в твоё тело?

Сунь Цинфэн горько усмехнулся:

— Ты думаешь, вытерпеть такое легко? Когда ритуал завершился, я лежал грудой кровавого мяса, не понимая, жив я ещё или нет. Лишь искра жизни теплилась во мне.

— Как же ты выжил?

— Эту технику никто и никогда не доводил до конца. Ни я, ни Ху Цзю не знали, что произойдет. Печать рождена из плоти и крови, и питать её можно только кровью. Тот, кто носит её, обречен вечно жаждать крови — таков закон, сути которого мы не понимаем.

Линьэр слушал, чувствуя, как сжимается от жалости его собственное сердце.

Сунь Цинфэн продолжал:

— Генерал Чжао пытался покончить с собой, но печать не позволила ему умереть. Лишившись подпитки, моя сила угасла, и Призрачная злоба вырвалась из моей груди, за одну ночь превратив некогда процветающий город Мона в кладбище. Из последних сил Ху Цзю запечатал чудовище в моем теле, но это стоило ему всей магии. Он ушел в затворничество, пообещав вернуться через двести лет и забрать печать.

— Мне кажется... этот Ху Цзю скрывает что-то недоброе, — нахмурился Линьэр.

— Размышления тут не помогут. Наш долг — нести это бремя, пусть даже ценой чужих жизней, иначе мир утонет в крови.

Линьэр твердо посмотрел на брата:

— Я не допущу новой трагедии. Если нужно, я буду пить человеческую кровь. Я согласен быть злодеем.

Сунь Цинфэн удивился:

— Неужели ты наконец повзрослел?

Линьэр смущенно улыбнулся:

— Раньше я был глупым и капризным, заставлял тебя мучиться. Я думал, тебе нравится эта сила, и только теперь понял, что каждая твоя утренняя медитация — это жестокая битва с Призрачной злобой ради того, чтобы я мог жить беззаботно и не знать вкуса человеческой крови. Какой же я был эгоист.

Сунь Цинфэн мягко улыбнулся:

— Ты зовешь меня братом, значит, это моя забота. Жизнь коротка, тебе нет еще и двадцати. Ты должен радоваться солнцу. Твое счастье — это и мое счастье тоже.

— Мне больше не нужно солнце, — тихо произнес Линьэр, глядя на него долгим, преданным взглядом. — Пока ты рядом, я согласен жить во тьме.

Сунь Цинфэн растерялся от этих слов. Справившись с неловкостью, он напустил на себя строгий вид. Он отвернулся и уставился на утенка, который как раз просунул голову сквозь прутья забора. Воину показалось, что эта глупая птица насмехается над ним. Он грозно сощурился.

Утенок затрепетал крыльями и звонко крикнул:

— Кря!

Тут же весь птичий двор поднял невообразимый гвалт.

Сунь Цинфэн поспешно высвободил руки, развернулся и скрылся в доме, с грохотом захлопнув

за собой дверь. Ему чудилось, что даже куры смеются над его смущением.

<http://bllate.org/book/18425/1863477>